

Этот плач раздался как нельзя кстати. Чэнь Линлин тоже начала смахивать слёзы, чувствуя себя обиженной. Чэн Баоли посмотрела в сторону сына и заметила, как Чжэн Хайян подмигивает ей. Её как будто осенило: она хлопнула себя по бёдрам и с лёгкой театральностью запричитала:

— Бедняжка я, в шесть лет лишилась отца, мать меня не любила, как же мне не повезло в жизни! А теперь ещё и сыну голову разбили, да ещё говорят, что он сам виноват! Как же нам с ним не повезло! Мужа нет, вот и обижают нас! Жить так больше невозможно!

Когда она произнесла фразу «бедняжка я, в шесть лет лишилась отца», Чжэн Хайян чуть не поперхнулся слюной. Он скривился, обнял Хань И и, прижав малыша к себе, притворился, что плачет. Внутренне он подумал: «Мама, твоя игра недостаточно реалистична, немного театральна, но фразы подобраны идеально. Даю тебе 9.9999999 из 10 баллов».

Теперь, когда две женщины и двое детей начали плакать одновременно, это оказалось гораздо эффективнее, чем слёзы матери толстяка во дворе. Мнение окружающих мгновенно переменялось.

Дедушка Чжэн с холодным лицом произнёс Ху Чэну:

— Если с этой работой не вышло — так и быть. Но мою невестку и внука так обидели!

Ху Чэн тут же заверил:

— Старый Чжэн, не волнуйся, я обязательно разберусь с этим делом.

Прежде чем Чжэн Пин и Хань Чжицзюнь успели вернуться, узнав о случившемся, Ху Чэн уже нашёл людей, чтобы заменить разбитые оконные стёкла, убрать двор и установить новую железную дверь с замком.

Когда Хань Чжицзюнь вошёл в дом и убедился, что женщины и дети в порядке, он вместе с Чжэн Пином вышел на улицу, вооружившись большой лопатой, и направился к дому обидчиков. Они собирались вернуть долг тем же, но Чэнь Линлин их остановила.

Она только что умылась и наносила крем «Снежинка», лицо её благоухало.

— Мы с Баоли так старались плакать, Баоли чуть голос не сорвала. Если вы сейчас пойдёте и всё разобьёте, наши слёзы окажутся напрасными! Не ходите, подождите, посмотрим, что будет с этой семьёй!

И действительно, ничего хорошего их не ждало. Лю Гонун уже получил выговор от руководства продовольственного управления и был смещён с поста секретаря, переведён в кабинет директора, где всё ещё занимал должность мелкого начальника. Теперь же, когда история о том, как мать толстяка Лю разгромила чужой двор, дошла до вышестоящих, всё стало ещё хуже. Об этом узнали не только на маслозаводе, но и на мясокомбинате, где работала мать толстяка. Оба супруга Лю работали на мясокомбинате — один был мелким начальником, другой — начальником цеха. Теперь они не только потеряли лицо, но и лишились работы.

Чэнь Линлин и Чэн Баоли остались совершенно безучастны к этому. Две женщины, объединённые общим врагом, были счастливы. Время от времени они вспоминали те события. Чэнь Линлин сказала:

— Как же приятно было дать ту пощёчину. В жизни ни с кем не дралась.

— Правда, приятно? — Чэн Баоли, убирая вещи, делилась «боевым опытом». — Говорю тебе, пощёчина — это не самое приятное. Ты знаешь, как царапать ногтями? Кончиками ногтей, чтобы кожа содралась. Вот это настоящее удовольствие!

Чжэн Хайян: «...» Мамы, вам правда нужно так?

В награду за то, что малыш Хань И вовремя заплакал, Чжэн Хайян решил тайком его поощрить. Хань И был ещё слишком мал, чтобы есть конфеты, поэтому Чжэн Хайян сам положил конфету в рот, растворил её, а потом поднёс губы ко рту малыша и передал ему конфету ртом.

Хань И, почувствовав сладость конфеты, засмеялся, облизывая губы Чжэн Хайяна.

— Ещё хочешь? — спросил Чжэн Хайян, с трудом выговаривая слова с конфетой во рту.

— Хочу!

Дом, который нашёл Хань Чжицзюнь, находился напротив двора исследовательского института. Раньше это было жильё для сотрудников института, но теперь там жили в основном пожилые люди, вышедшие на пенсию. Чэнь Линлин была рада переехать туда, ведь там жили культурные и образованные люди, а такая обстановка была полезна для детей.

Квартиры были отдельные, каждая площадью около 50 квадратных метров. Однако Чжэн Хайян заметил, что в прошлом жилая площадь была чистой полезной площадью, без всяких лишних общественных зон. Пятьдесят квадратных метров — две большие комнаты с окнами на юг, маленькая гостиная для еды, кухня и ванная. Для двух семей этого было достаточно, особенно учитывая, что мужчины большую часть времени проводили вне дома.

Две семьи быстро переехали с маслозавода. После инцидента с разгромом двора Ху Чэн чувствовал себя виноватым и специально нашёл машину, чтобы перевезти их вещи. Молодые работницы маслозавода помогли Чэн Баоли и Чэнь Линлин убраться в доме. Все они были проворными, и за утро дом был приведён в порядок.

Хань Чжицзюнь хотел пригласить помогавших с переездом на обед, но работники маслозавода вежливо отказались и, закончив уборку, ушли.

Жить здесь стало намного удобнее. Чэн Баоли утром убирала в офисе, затем шла на ближайший рынок за продуктами. Если мужчины были свободны, они возвращались домой на обед, если нет — Чэн Баоли относил еду им.

Однако после переезда в центр провинции основной задачей двух женщин стало воспитание детей, что было непривычно для всегда занятой Чэн Баоли. Раньше на маслозаводе она могла подрабатывать, а теперь, кроме готовки, уборки в офисе и ухода за детьми, делать было нечего. В то же время Чэнь Линлин была гораздо спокойнее.

Сейчас уже был сентябрь, и жара спала. Чжэн Хайян, оказавшись здесь, часто выходил во двор или гулял по окрестностям. Он заметил, что вокруг двора исследовательского института образовался небольшой коммерческий район, где продавали всё что угодно, и открылось множество маленьких уличных магазинчиков.

Чжэн Хайян хотел помочь матери найти какое-нибудь дело, но, осмотревшись, понял, что продавать особо нечего. Поток людей был ограничен, а магазинов много, так что в день можно было заработать максимум несколько юаней. Лучше уж матери сидеть дома, наслаждаясь

вентилятором и болтая с Чэнь Линлин.

Иногда Чэнь Линлин брала с собой Чжэн Хайяна и Хань И на прогулку, обычно около шести вечера. В это время во дворе собирались пожилые люди, чтобы поболтать, а многие мужчины играли в шахматы.

Обстановка во дворе действительно была хорошей. Чжэн Хайян заметил, что люди разных слоёв обсуждали разные темы. Раньше, в общежитии маслозавода Чжигун, каждый день можно было услышать, как женщины обсуждают чужие дела. А теперь пожилые люди здесь говорили о государственных делах — о новых политиках, о борьбе с уклонением от налогов, о новых заводах, о местных правительственных инициативах по развитию экономики и так далее.

Однажды Чжэн Хайян услышал, как два старика обсуждают «Посредническое бюро Иян» напротив двора исследовательского института. Он тут же наострил уши.

— Молодёжь умная, методы хорошие, куда лучше этих «курсов по взысканию долгов». Но они нашли лазейку, не подумав о последствиях.

— Вот именно. Всё запутается. Сейчас руководство ещё не поняло, государственные заводы не обращают внимания, ведь сейчас люди думают иначе, не так жёстко. Но рано или поздно какой-нибудь директор государственного завода донесёт, что работники занимаются сторонними делами, влияющими на их работу на заводе, и скажет, что это бюро — «перекупщики», которые переманивают квалифицированных рабочих. Тогда будут проблемы. К тому же, работа на стороне приносит больше денег, чем на заводе. Через некоторое время все начнут уходить с государственных заводов!

— В конечном итоге, политика страны во всех сферах не успевает за развитием. Развитие идёт быстро, а политика отстаёт — вот и будут проблемы.

«...»

Чжэн Хайян, услышав это, загорелся. Он не мог не признать, что люди, пережившие эпоху больших перемен в стране, понимали это время лучше, чем он. Они видели ценность «Ияна», но также и его будущие трудности.

Чжэн Хайян тут же, как из мешка, выложил услышанное Хань Чжицзюню. Для взрослых уже не было удивительным, что трёхлетний ребёнок может дословно повторять их слова. Все уже знали, что Чжэн Хайян становился всё умнее и сообразительнее, совсем не походил на трёхлетнего малыша.

<http://bllate.org/book/16484/1497953>